

Все внуки Григоровича (а нас было пятеро) лучшего места для прогулок не знали. Ловили разноцветных бабочек, бегали босиком по воде, которая стекала по памятнику в маленький бассейн. Разумеется, тогда мы до конца не понимали, какое огромное историческое значение имеет «Стерегающий» – легенда о подвиге русских моряков... «...и чайки туда прилетели, кружась с пред-

смертной тоской, и Вечную память пропели героям в пучине морской»... И вот оказалось, что и моя мама в юном возрасте бывала здесь... Да еще при каких событиях!

У автора упомянутой книги, Н. П. Рождественской, узнала откуда эта фотография и отправилась в архив кино-фоно-фото документов, где мне любезно помогли найти много снимков, связанных с моим

дедом, а значит и с историей флота, и с историей России.

10 мая 2010 года исполнится 99 лет с момента открытия памятника эсминцу «Стерегающий» скульптора К. В. Изенберга и архитектора А. И. Гогена, и вновь к нему придут с поклоном моряки и горожане, и вновь будет много цветов и добрых слов... И дай Бог, чтобы память оставалась на долгие долгие годы...

Император Николай II в сопровождении свиты на открытии памятника.
10.05.1911 г. Петербург

Осмыслить время (по семейным воспоминаниям)*

К. В. Коржавин

КАК ЖИЛОСЬ ДО ВОЙНЫ В ЛЕНИНГРАДЕ?

В Ленинграде мой отец (по рекомендации академика Бардина, с которым отец неоднократно ранее встречался по работе как металлург) получил должность старшего инспектора по качеству станков и оборудования, поставляемого на оборонные предприятия страны. Должность была большая и ответственная, а зарплата невелика, но он был независим, так как зарплату получал в наркомате вооружения в Москве. И поэтому его боялись.

Свои именные клейма он хранил дома. На одном из них стояло слово «год.» (годный), а на другом – «бр.» (брак). Он был неподкупен. Даже после войны на станкостроительном заводе «Ильич» ветераны при разговоре со мной отзывались о нем с уважением. Всю свою жизнь кроме детства и временного пребывания в городах страны мой отец прожил в Ленинграде в коммунальных квартирах да и после голодной смерти в свои 39 лет попал в братскую могилу – тоже «в коммуналку». И это несмотря на то, что ему еще до

войны, как инспектору по качеству, предлагали в виде взятки отдельную квартиру в новом доме (на углу Лесного пр. и Бабурина пер.), он с возмущением отверг это предложение и забраковал большую партию станков. Перед самой войной он работал на заводе «Большевик», вначале зам. начальника 42 металлургического цеха, затем – в отделе главного металлурга завода (в центральной лаборатории), где и умер от голода прямо на своем рабочем месте. А ведь в его родном 42-м цехе проводили закалку и отпуск артвоолов в

* Пролжение. Начало в № 5 (51), 6 (52) 2009 г.

чистейшем льняном масле. Но мой отец, умирая от голода, так ни разу и не спустился в свой родной цех за чайной ложкой этого масла, хотя и знал, что ему в этом отказа не будет. Я бы на его месте так, конечно, поступить не смог. Ибо у меня уже было другое воспитание...

Некоторые документы, относящиеся к трудовой биографии отца, были переданы мною в музей Ленинградского политехнического института (ЛПИ) и зарегистрированы по акту музея № 13/92 от 20.04.92. Особенно заслуживает внимания его дипломная работа по исследованию радиоактивного распада металлов.

Хотелось бы рассказать и о нашем довоенном проживании на Троицком поле, в корпусе 7, квартира 11. В этом новом доме с паровым отоплением отцу завод «Большевик» обещал две смежные комнаты в 3-комнатной квартире, а предоставили только одну 24-метровую на 4 члена семьи. Поэтому пришлось шкафом, буфетом и ширмой отгородить родительскую кровать. В другой части комнаты стоял под шелковым оранжевым квадратным абажуром обеденный стол со стульями. У окна – письменный стол отца, а по его краям (по углам) 2 этажерки; одна с энциклопедией, а другая с разными книгами. У противоположных стен стояли диван, на котором спала сестра, и кушетка, на которой спал я. На подоконнике были аквариум с тритонами и цветы (камелии, герань, лимон, столетник). Над диваном висела в дорогой раме настоящая картина «Купание нимф», автором которой я тогда не интересовался. Ее украли вместе с другими вещами, когда имущество вывозили на склад. Свои игрушки я хранил под вешалкой в детском комодке. Мои первые знакомства с детворой во дворе нельзя считать удачными... Первый, кто ко мне подошел во дворе, был хулиган Валька по прозвищу Пуза. Он был немного старше меня, из трудной семьи, рахитик с большим животом (отсюда и его кличка). Он спросил меня: «Ты дурак?». Я, конечно, ответил: «Нет!». Тогда он сказал: «Повернись!» и написал у меня на спине ругательство из трех букв, с которым я вернулся домой. Так состоялось первое знакомство. Потом он стал моим лучшим другом и всегда за

меня заступался. Другой настоящий и самый лучший мой друг Сережа определился вскоре по протекции моих родителей. На соседней лестнице, на первом этаже, в квартире № 20 жила семья инженера Зинфельда, немца по национальности, с которым папа учился в ЛПИ и работал на заводе «Большевик». Его жена Ольга Сергеевна, инженер-оптик по профессии, работала на ЛОМЗе и была потомственной дворянкой. У них было трое детей (2 дочери и сын). Вот с сыном-то я и сдружился. Была у них домработница финка Настя, полноватая хозяйка в доме. Иногда она мне доверяла сварить суп или борщ на всю семью. И я с этим делом успешно справлялся, и мне нравилось... А дома моя мама постоянно гоняла меня от плиты, если я какое-нибудь изделие из теста пытался тайно испечь.

Главным детским потрясением была смерть от туберкулеза моего ровесника Вовы Балагурова. Тогда я впервые узнал, что такое смерть. Жил он в корпусе 11, в одной квартире вместе с Колей Брянцевым. Хоронили мы его в Обухово всем двором. А потом поминали кутьей у него за родительским столом, и многие плакали... А в 9 лет отец отвел меня в новую школу № 2 на Троицкую ул., где ныне о ней напоминают только руины. До недавнего времени там размещался отдел кадров завода им. Ворошилова. В школе я был круглым отличником, и мои родители за 6 лет учебы не были ни разу на родительских собраниях, которые проводились регулярно. Кроме занятий в школе, перед войной я посещал ботаническую станцию на Куракиной даче, где выращивали мочалку. Ходил и в студию ИЗО Дворца пионеров и школьников им. А. А. Жданова, где учился живописи только одну зиму 1940–1941 годов. Моим воспитанием родители особо не занимались, выполнение домашних заданий не контролировали. Устные задания я не выполнял, так как у меня была хорошая память, а выполнял только письменные уроки, задававшиеся на дом. Меня дважды порол, и оба раза ни за что. Один раз по ложному доносу соседки. Якобы я пытался на ходу прыгнуть в трамвай. А на самом деле мы с друзьями катались на трамвайном кольце (вот такое бесплатное катание).

А другой раз выпороли за то, что в кармане обнаружили окурки и подумали, что я начал курить... А нужны они были мне для изготовления пулек (очень удобно: два раза перегнул, и пулька готова), чтобы стрелять ими с резинки. На самом деле, я впервые закурил сигару, когда шла война в республиканской Испании. В то время в Ленинград оттуда привозили много апельсинов и сигар. Вот мы с Сережей для пробы и закурили по сигаре... Да вдруг его мать... Я сунул сигару в карман, а он в рукав. У него из воротника дым пошел, и его за курение жутко выпороли. А меня ставили в пример... В детстве я был храбр и наивен. Меня легко было взять «на слабо». Помню как «на слабо» я глотнул из ржавой трубы грязной воды, которая вытекла из свинарника, и заболел брюшным тифом. А однажды (тоже «на слабо») я выстрелил в воздух из самопала, заряженного двойной порцией серы, так как никто не решался этого сделать. Самопал разорвало прямо в моей руке! Медный ствол взвился высоко и свистел над моей головой, так как превратился в «завитого барашка». Рукоятка треснула пополам, а из руки (между большим и указательным пальцем) заструилась кровь... Но я не сдрейфил и этим привел приятелей в восторг. Иногда я проявлял необычайную сообразительность. Однажды мы с Сережей на двоих за 11 копеек купили одно эскиммо без шоколада. Но как его поделить? Вот я ему и предложил откусить половину. Я никогда не забуду, какие гримасы он корчил от холода во рту, но выплюнуть не решился, т.к. было жалко. Нечто похожее было и с моим отцом в детстве, тогда он бечевкой поделил с младшим братом Мишей тарелку киселя. Но ел его так быстро, что Миша расплакался, так как началась «перетечка» киселя с Мишиной на папину часть тарелки. А вообще то в прежние времена детворе жилось веселее... Различных детских игр в любом дворе было значительно больше, чем теперь. Это прежде всего лапта, штандер, чижик, ножички, камешки (для девочек), выбивание свинцовой битой конфетных фантиков или монет, крокет, маелка, казаки-разбойники и многие другие игры (кроме футбола, мы собирались в темном укромном месте двора и запугивали друг друга страшными

рассказами и историями). А днем часто ходили на детскую площадку в сад «Спартак» (Апраксин сад), где было очень много детских игр. По выходным дням (тогда были пятнадцатидневки) в этом саду устраивались бесплатные народные гуляния с концертами и фильмами под открытым небом. Там на одном из концертов впервые я видел еще молодого Аркадия Райкина. А было это так. Вначале объявили: сегодня концерта Ленгосэстрады не будет, а вместо него будет концерт самодеятельности студентов. На сцену вышел маленький и щупленький молодой человек. Он очень профессионально изобразил, как о нем объявили бы на сцене люди различных профессий, например, как об оперном артисте, как об артисте цирка, как о нем объявил бы Чарли Чаплин и т. п. Но мне больше всего понравилось, как о нем объявил бы милиционер. Мигом одел милиционерский шлем (тогда была такая форма), белые перчатки и, свистнув, сказал: «Товарищи, давайте разойдемся! Ну что, вы Райкина не видели?» (словно речь шла о пьяном, лежащем на тротуаре). Став известным актером, А. Райкин больше уже почему-то не изображал в своих программах этого милиционера... Но публика в ту пору была от него в восторге.

Когда говорят, что до войны все жили хорошо, то это далеко не так. Подавляющее большинство жило в нормальных по тем временам условиях и примерно одинаково, это сближало людей и не порождало взаимной зависти. Родственники, да и соседи, часто общались друг с другом без вина. Просто ходили в гости на чай с вареньем и пирогами. Играли в карты, домино и лото. Но и стопроцентной уравниловки тоже не было, так как жили, вместе с тем, все по-разному. Попробую пояснить на примере нашей семьи. У нас работал только отец, сестра и я учились, а мама была домохозяйкой. И поэтому денег в доме было не густо. Делили мясо к супу по кусочку в каждую тарелку. Но зато в выходной день мама всегда пекла пирожки (с мясом, морковкой, капустой, курагой, изюмом), и пончики с мармеладом. Утром для того, чтобы я лучше соображал, мне делали гоголь-моголь. У Зенфельдов было трое детей и поэтому они жили скромнее нас. Еще скромнее

жила рабочая семья Сергеевых. Там на обед ставили большую миску с пшенной кашей (одну на всех). В центр, в ямку, наливали постное масло. К каждому едоку отводили от центра ручеек масла, и все дружно черпали деревянными ложками. А какие у них росли умные, толковые трудолюбивые дети! Дружил я и с сыном директора одного из заводов района, так как его жена Клавдия Ивановна была моей первой учительницей в начальных классах. Жили они богато, в просторнейшей отдельной квартире, в корпусе 6, который напротив нашего дома, с прислугой. Имели личный легковой автомобиль «эмку», и ни в чем не нуждались. Но началась война, и в первую очередь полностью вымерли от голода малообеспеченные семьи. Многие из моих друзей не уцелели, а иные были изуродованы на всю жизнь. Леня Сергеев (очень способный мальчик), из которого наверняка вышел бы талантливый конструктор кораблей, остался без руки. Вася Богданов потерял ногу, запил, опустился и занялся спекуляцией билетов в кино на Невском проспекте. Одноклассника Юру Орешкина я встретил ночью во втором флотском экипаже перед отправкой матросов на фронт. Уцелел ли он? Не знаю. Не лучшим образом сложилась и моя дальнейшая жизнь во время войны. Я имею в виду при этом, прежде всего, Ленинградскую блокаду.

ГОДЫ ВОЙНЫ

Блокада застала врасплох.

Много о Ленинградской блокаде сказано и написано, но далеко еще не все. Ибо была у каждого из них своя блокада! Не следует забывать, что из 1418 дней (то есть большую часть войны) находился в кольце вражеской блокады и официально являлся городом-фронтом! А в этом большом городе под бомбами и снарядами, в холоде и голоде, без электричества и воды, жили и героически трудились под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!» истощенные до нельзя люди, преимущественно, женщины и подростки. И у каждого из нас было сугубо личное восприятие того трагико-героического времени. Я вместе с родителями, все 900 дней осады был, как говорится, «на голые зубы», то есть совершенно без

денежных средств, без продзапасов и без теплой одежды, как истинные горожане, жившие от получки до получки, так как на заводе «Большевик» работал только папа, а мы были иждивенцами. Поэтому с введением продкарточек нам денег не хватало, что бы даже выкупить все, что нам полагалось. А поначалу нормы были вполне приемлемыми. Отец на казарменном положении был круглосуточно на заводе. А его семья была эвакуирована внутри города из Володарского района, который интенсивно обстреливали и бомбили, в более спокойный Сталинский район, где только бомбили. Поселили нас в Лесном, около завода «Светлана», временно на площадь военнослужащего. С собой мы взяли только одежду и белье. Объявление войны я, видимо, как и все подростки моего поколения, воспринял героически! В памяти еще был фильм, а на слуху еще песня из фильма «Если завтра война...». Впервые живого немца я увидел на станции Угловка Октябрьской железной дороги. Самолет-разведчик с фашистской свастикой летел очень низко. Он облетел озеро, в котором мы купались, но стрелять в детей не стал. В Угловку и Поповку дети из Ленинграда были эвакуированы не слишком удачно, то есть навстречу врагу. Жили мы в Угловке, в Доме крестьянина, на привокзальной площади. Местные жители отнеслись к нам сочувственно и кормили нас хорошо.

Когда возникла угроза быть отрезанными врагом, родители самостоятельно вернули нас в Ленинград. У моих родителей не было денег на дорогу, и поэтому я вернулся домой с мамой моего одноклассника Левы Осецкого. Еще до эвакуации в Угловку мы с ребятами прямо с крыши дома наблюдали высоко в небе воздушный бой двух «ястребков» и ни на минуту не сомневались в победе нашего летчика, но все случилось вопреки нашему желанию... А позднее уже для всех стало очевидным, что в начале войны и блокады в воздухе Ленинграда господствовали фашистские стервятники. Они бомбили город регулярно, как по расписанию: утром, когда все шли на работу, и вечером, когда все возвращались с нее. А ночью город прицельно бомбили, освещая его осветительными снарядами, кото-

рые медленно и плавно опускались на парашютах. Изредка по неизвестным для нас причинам нам давали «суточный передых» и в листовках писали: «Спите матрешки, не будет бомбежки!». Бросали с самолетов и многие другие листовки... Например, такие как «Бей жидо-палитрука кирпичом из-за угла и переходи на нашу сторону!». На другой стороне листовки была соответствующая тексту карикатура – жалкое подобие рисунка и пропуск со свастикой для перехода на сторону врага. Спасали нас от расстрела с бреющего полета, частично «пухалки», которые прямо с крыш вели заградительный огонь, но их было не так уж много, а в основном аэростаты воздушного заграждения, которых было в городе предостаточно. Типовая площадка для запуска такого аэростата находилась во дворе нашей школы на Английском проспекте, дом 13 (ныне – пр. Пархоменко). Обслуживали ее женщины-солдатки. А бомбы между тем падали и в сравнительно спокойном Лесном. По наводке немецких ракетчиков-диверсантов, старались попасть, прежде всего, в новый корпус ЛТА*, где располагался военный госпиталь (наша школа над ним шествовала, мы ухаживали там за выздоравливающими воинами). Кроме того, в непосредственной близости от этого корпуса (практически под ним) впервые две недели войны был вырыт глубокий бункер с разветвленными ходами и выходами, по своим размерам и степени защищенности он превосходил бункер Гитлера. А в самом парке ЛТА дислоцировалась воинская часть.

Мы пытались выследить ракетчиков, но безрезультатно. А бомбы рвались рядом. Одна мощная фугасная бомба, попав (на Новороссийской ул., напротив места дуэли Чернова с Новосильцевым) между двухэтажными деревянными домами, разнесла их в клочья, да так по весу рассортировала их остатки, что щепки отдельно, доски отдельно, бревна отдельно и камни тоже недалеко от парка ЛТА в дом (на углу Перфильева переулка и проспекта Энгельса), и людей, находившихся в погребе этого дома нам спасти не удалось. От того взрыва и наш дом

так встряхнуло, что на террасе вылетели стекла. Одна из бомбежек застала меня у Финляндского вокзала (точнее, на углу Боткинской ул. и ул. Лебедева, у здания ВМА**). В то время рухнули и загорелись напротив главного здания ВМА сразу два здания, ныне восстановленные и построенные заново. А когда горели Бадаевские продсклады, то зарево пожара видно было на небе даже на Выборгской стороне. Горел шоколад, сахар, горело масло и другие ценные продукты питания. Земля, пропитанная продуктами горения, была сладкая и жирная. И ценилась она на рынке выше вонючей картофельной жижи с Пискаревки и так называемого творага – масляного торфа из пригородных болот Торфянки. В той части Выборгского района, в которой нас временно приютили, мы даже не знали, что в начале войны рядом был фуражный магазин, где мы еще могли себе купить дуранду, отруби или комбикорм. Но с первыми трудностями в снабжении города местным населением все было раскуплено, и магазин был закрыт навечно. В результате нашей нерасторопности и неприспособленности мы прозевали даже перекопку картофеля и сбор капустного листа (зеленой «хряны») и нам осталось только собирать на совхозном поле в Гражданке капустные кочерыжки, торчавшие из земли. Мы их мололи и запекали с яичным меланжем, который выдавали только отцу на талон № 6 по служащей карточке. Я не знаю, кто это придумал и кому это было нужно, но на служащую карточку всегда (всю блокаду) давали продуктов меньше, чем на рабочую или детскую. Но меньше всего давали хлеба и других продуктов на иждивенческие карточки, и поэтому совсем не случайно, что в городе вымерла в первую очередь интеллигенция (инженеры, врачи, педагоги, на обучение и становление которых государство затратило немало средств), и иждивенцы-подростки старше 13 лет, ремесленники, будущие защитники родины, генофонд страны. Ныне на Ржевке есть каменный цветок – памятник школьникам (юным защитникам Ленинграда), и в ближайшее время на Пискаревке будут сооружены на

средства президента Белоруссии памятник белорусским ремесленникам, погибшим в блокаду.

Когда положение со снабжением города продовольствием стало критическим, мы уже съели к тому времени клубни георгинов, столярный клей и пытались жарить на олифе сосновую кору, но из этого ничего путного не получалось. Впервые мама заплакала, когда разделявали первую кошку, а папа – когда умер от голода его младший брат Миша, который проживал в соседнем доме. Из всех ругательств отец иногда мог произнести дважды слова: «Грязь-мразь!», и то это случалось крайне редко. Впервые он матюгнулся, когда его, полностью обессиленного, завезли вместе с матерью в кузове грузовика на Ново-Александровскую ул. (Володарского района) и сбросили, как бревно, прямо в сугроб, несмотря на то, что шоферу было заплачено за проезд от завода «Большевик» до Московского вокзала. Конечно, кое-что мы пытались предпринять, чтобы так сильно не голодать. Когда немец захватил пригород, и через город шли беженцы, то у них еще можно было купить по приемлемым ценам (на мясо) овец, гусей или кур, но у нас не было денег, так как завод «Большевик» задержал выплату зарплаты. У нас тогда еще были в фанерном бауле сухари. Мы предложили их родственникам для прокорма кур при условии, если они купят на свои деньги кур для себя и для нас. А мы за свою половину кур деньги родственникам дадим, как только их получит отец. Но наступило трудное время. Сухари были скормлены курам, а нашу половину кур родственники (за наши деньги) вернуть нам отказались. Но и эта несправедливость не стала для родственников существенной поддержкой, так как вскоре от голода у них умерли мужчины. Я знал семьи, которые до войны вроде бы питались нормально, а в блокаду полностью вымерли. А у нас из ближайших родственников умерло всего 13 человек. Вот говорят, что на каждом шагу в городе валялись трупы и что людоедство стало обычным занятием горожан. А так ли это было на самом деле? Первая официальная цифра погибших в блокадном Ленинграде была названа на Нюрнбергском процессе, и

* ЛТА – Лесотехническая академия. – *Ред.*

** ВМА – Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова. – *Ред.*

она составляла, если я не ошибаюсь, всего 642 тысяч человек. А ныне, по уточненным данным (см. ст. доктора исторических наук В. Ковальчука «Никто не забыт») превышала 1,5 млн человек. Да и трупы были не только в пустых замороженных квартирах, но и на улицах города: в укромных местах, на обычных дорогах, на обледенелых спусках к прорубям Невы, на подходах к кладбищам. Помню, как мы с отцом тащили волоком на фанере соседку в морг, который находился рядом со Светлановским рынком, на Титовом пер. (теперь там, в новом доме молочный магазин). Я и купчиху Титову – сморщенную старушонку помню; это ее отец держал там лавку скобяных изделий. Ни сил, ни средств не было, чтоб хоронить своих близких. Вот и бросали их без погребения, а сами перебирались в другое место (благо, пустующего жилья было предостаточно). Труп папиной сестры, тети Зины, обведенный крысами, мои родители обнаружили на улице Рубинштейна (в швейцарской комнате), так как родственники отца перебирались в другую квартиру. Отыскав родственников по новому адресу, мои были еще в полпути от дома. Их угостили горячим чаем, а отцу (как родственнику) выделили крохотный кусочек хлеба. Мама для них вновь стала не родственницей. Так вот отец отломил половинку хлеба и сунул ее матери (тайно, под столом) в руку. Буквально через неделю в той семье осталось только двое: теть Оля и дочка тети Зины Верочка, так как почти одновременно умерли от голода бабушка (папина мать) и папин брат Коля. А теть Оля и Верочка эвакуировались в Улан-Удэ, где играли в оркестре оперного театра до самого возвращения в Ленинград уже после войны. Когда в городе был трехдневный перебой в обеспечении хлебом, в поисках последнего я ни свет, ни заря отправился на Петроградскую сторону. Говорили, что там, где проживало руководство города, уже появился хлеб. В сумерках у киностудии «Ленфильм» (у полукруглой арки) я споткнулся, и моя рука сквозь мягкий снег уперлась в лицо мертвеца. На обратном пути, когда уже было светло, я увидел на том месте труп ремесленника. Их в ту пору погибло очень много. Как-то у выезжающего на Литей-

ный мост грузовика ветер откинул брезент, и там, среди трупов, было очень много парней в форменных шинелях ремесленных училищ. Ну а людоедство тоже началось не сразу. Сначала ели конину, которую привозили с фронта и продавали «в драку» на Светлановском рынке. Видел я однажды, как у Удельного парка упала от истощения лошадь. Сани со скарбом увезли вручную, и только спустились сумерки (днем, наверное, было стыдно), как глухо застучали топоры и от лошади в один миг остались «рожки да ножки». Вечером, в потемках, на углу Английского проспекта и проспекта Энгельса, рядом с хлебным ларьком, двое тоже стучали топорами, и я обошел их стороной. А утром на этом месте я видел труп с отрубленными ногами. С какой целью? То ли валенки было не снять, то ли студня захотелось... Однажды мне на Светлановском рынке за водку предлагали кусочек мяса (одна мякоть), но когда я его перевернул, увидел нежную кожу. Мне стало страшно... Это всего лишь догадки... Ведь у страха глаза велики. Но об этом случае людоедства мне доподлинно известно, так как дети расстрелянных родителей жили по соседству со мной. А все началось с того, что у маминых соседей прямо из дома украли труп матери, которая умерла не от голода, а потому что ее сбил грузовик. Заявили об этом в милицию, но та искать, видимо, не торопилась... В довоенном Лесном, во дворах, как правило, в каменных пристройках размещались общественные прачечные, но из-за отсутствия воды, дров, да и мыла этими прачечными пользоваться перестали... Но был замечен дымок из трубы прачечной. А затем увидели соседей, которые на санках везли бельевой бак, в котором позже и был обнаружен расчлененный труп... Арестовали отца, мать и сестру матери, которая и толкнула их на это преступление. Не тронули только их детей: дочку-подростка и сына-малолетку. Маминых соседей вызвали в 19-е отделение милиции, у Круглого пруда (так называемая остановка около 14-й поликлиники), когда действительно там был пруд и стояла церковь Св. апостолов Петра и Павла для опознания соседей и останков трупа. Им сказали,

что людоеды будут расстреляны по закону военного времени. В том же доме на втором этаже, в квартире расстрелянных родителей, выросли хорошие трудолюбивые дети. Старшая сестра поступила работать на завод «Светлана», а младший брат начал учиться в ремесленном училище. И им никто и никогда не напоминал о трагических обстоятельствах потери родителей. Других подобных и мало-мальски достоверных случаев я просто не знаю. Количество случаев людоедства в городе было явно преувеличенным.

Однажды пришел мой смертный час, когда я упал и скатился в канаву. Есть уже не хотелось. На душе была благодать. Наступило, наконец, блаженное состояние, а откуда-то (словно с небес) струилась божественная музыка... Высоко в голубом небе словно порхал голубь (какие-то были белые всплески). Вот тогда меня обнаружили, и впервые подобрали на носилки девушки из МПВО на 2-м Мурунском проспекте. Меня доставили в вестибюль 14-й поликлиники, где в ожидании направления в больницы города скопилось много истощенных голодом людей. Но первым, кого направили в стационар (Лесной проспект, 37, дом во дворе), был я, так как у меня была дистрофия 3-й стадии (предсмертная стадия) и цинга (кровоточили, шатались и выпадали зубы). Там я познакомился со своим ровесником, мальчиком с улицы Братства, который голодал (по его собственному признанию) значительно меньше меня (я ему позавидовал), а наутро, в 5 часов утра, он умер от голода. Когда мы перешли на минимальную норму хлеба (у нас троих по 125 г, а у отца – 150 г), а в городе начались перебои с отовариванием другими продуктами питания (крупа, растительное масло, соль и т. п.) даже по урезанным скудным нормам, то наши хлебные карточки, ставшие практически единственным источником питания, были проедены нами на три дня вперед (ибо на более значительный срок продукты уже никто не отпускал). Поэтому каждая наша ночь начиналась с чашки кипятка с красным перцем, для того, чтобы согреться, так как жили мы на первом этаже.

(Продолжение следует)